27 НОЯ 1980

К 100-летию со дня рождения Александра Блока

«РУСЬ МОЯ, ЖИЗНЬ МОЯ...»

Однажды к нам в класс пришел новый учитель литературы. Это было странно и немного похоже на чудо. Грубый, с хрипотцой голос, привыкший к гулу сражений и отрывистым командам, медленно, как бы взвешивая каждое слово, читал удивительные, звавшие отправиться в «очарованную даль» строки.

Еще недавно он командовал ротой, а сейчас вдруг стал самым близким, самым любимым учителем, избавив нас на полчаса от бесконечных житейских забот послевоенного времени. Неведомые чувства вдруг заслонили обыденность, принесли с собой полные волшебства и очарования звуки, краски, словно отголоски какого-то иного времени и пространства.

И странной близостью закованный.
Смотрю за темную вуаль
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Казалось, что эти непостижимые по своей колдовской силе стихи немыслимо объяснить, что они рождены чувством и предназначены только для чувств. Но вот учитель прочитывает последнюю строфу и вновь повторяет ключевые строки:

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!

С того давнего урока прошло почти тридцать пять лет. А я по-прежнему, перечитывая «Незнакомку», вздрагиваю от неожиданности, когда добираюсь до этого ключа, открывающего тайну настоящего творчества. Такое впечатление, будто не Бунин, а Блок внимал ворчливому и задорному назиданию Чехова:

— Никогда, никогда не слушать чужих советов. В работе надо быть смелым... И лаять тем голосом, каким господь бог дал.

„ОН НЕ ПОДДАВАЛСЯ никакой логике: слишком сильна была его индивидуальность...» — вспомнит о детстве своего Сашуры его бабушка Елизавета Григорьевна Бекетова. Талантливая переводчица, она встречалась с Гоголем, Достоевским, Толстым, Ап. Григорьевым, Полонским. А однажды перевела на французский язык два рассказа Чехова, получив от писателя милую благодарственную записку. Как по бикфордову шнуру, тянулось от них, а еще от Пушкина, Лермонтова, Тютчева и Фета это странное умение преобразовывать мир вседневный в поэзию.

Любимый поэт юного Пушкина Батюшков учил собратьев: «пиши, как живешь». Блок поступал наоборот: старался жить так, как писал. Вот и получилось, что все свершенное им на земном пути было сделано во имя русской земли, во славу русского искусства, во благо русского народа. Читаем ли мы его «Русь», «Россию», «Осенний день», «Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?..» или другое какое-нибудь стихотворение, исполненное сыновней любовью к родному краю, перед нами возникает образ страны со своей особой, неповторимой и возвышенной судьбой-историей.

Не знаю, когда, но среди пишущих о Блоке как-то модно стало удивляться якобы необычному какому-то «восхождению» певца Прекрасной Дамы к поэме «Двенадцать». А Блок интересен весь, со всеми своими письмами, дневниками, записными книжечками, полудетскими стихами, созданными в подмосковном сельце Шахматове, где ему, еще совсем мальчику, Россия открывалась сияющими и ласкающими красками Тропинина и Фета.

Между прочим, биография поэта таит в себе еще много нераскрытого, загадочного. Например, в одном из его юношеских рисунков зимы проглядывают многие мотивы тех же «Двенадцати», запечатлевшей музыку революции.

Когда приезжаешь в Шахматово осенью, то невольно вспоминаешь и Россию другого художника — Нестерова, воспевшего через конкретные реки, леса и дороги Русь вообще—ее прекрасные легенды и нелегкую историю, ее синеглазых женщин и отроков. А если дать некоторую волю воображению, то можно увидеть дочь ректора Петербургского университета с русым и голубоглазым мальчиком — они проходят мимо этих вот пожелтевших берез, любуются ослепительно - белой церквушкой над пламенеющей предзакатной рекой, и в лиловом сумраке предугадывается отсвет будущего гигантского революционного пожара.

Но и без особой работы воображения мы много сегодня можем узнать нового о «подземном росте души» поэта. В Пушкинском доме, например, хранятся его детские и отроческие сочинения. Один из рассказов написан четырнадцатилетним Блоком явно под воздействием полюбившегося ему чеховского «Черного монаха», напечатанного в том же 1894 году. В рассказе юного поэта тот же вечер над широким полем, что и у Чехова, и та же заря, только не волны пробегают по ржи, а трепет по верхушкам деревьев.

«Черного монаха» Чехов создал словно в отместку за бесчувственное непонимание критикой нестеровского «Отрока Варфоломея». У этого одухотворенного, возвышающего Русь полотна в Третьяковке Блоку всегда хотелось задержаться подольше. Все так странно, одиноко, неподвижно, пустынно...

Чеховский рассказ тоже казался критикам ирреальным, хотя писатель с научной достоверностью передал галлюцинации своего героя. Дело, конечно, было не в миражах героя, а в мягком лирическом описании его состояния, в том одухотворенном изображении природы, которое выявляет тайну русского характера.

Стремление к внутренней жизни и красоте духа сближали творчество Чехова и Блока, хотя каждый из них по-своему утверждал в русской (да и в мировой тоже!) литературе глубокий музыкальный лиризм при сохранении внешней реальности изображения.

В Ленинграде, на набережной реки Пряжки, на углу теперешней улицы Декабристов (бывшая Офицерская) стоит кирпичный, очень обыкновенный дом. Окна квартиры поэта на четвертом этаже манили его своим видом. За эллингами Балтийского завода синели леса возле Сергиевского монастыря, дымили фабрики.

Впрочем, к закопченным фабричным корпусам Блоку не привыкать. С тех пор, как его мать вышла вторично замуж за гвардейского офицера, ему приходится жить не в профессорском доме, на Университетской набережной Невы, а в казармах гренадерского полка, на Петроградской стороне, где много фабричных рабочих.

Говорят, что розовый туманный круг «Стихов о «Прекрасной Даме» оказался тесен для души истинного поэта и он сделал главный шаг в своей будущей поэтической судьбе — написал сугубо реальную «Фабрику». И опять подводит привычка к устоявшимся формулам, к выборочному знакомству с тем, что составляет целостную систему, что-то вроде единой поэтической картины мира. Все равно, что Достоевского знать лишь по одному, да еще усеченному роману, помещенному в школьной хрестоматии.

«Пагубные влияния» символизма на Блока оказались настолько преувеличенными, что в иных ученых трудах впечатления «смутности, туманной неопределенности» по инерции выискиваются даже в наиболее точно очерченных пейзажах:

**Люблю вечерние моленья
У белой церкви над рекой,
Передзакатное селенье,
И сумрак мутно-голубой.**

В такой же августовский мутно-голубой вечер в просторном прохладном сенном сарае блоковского имения близ Шахматова состоялся любительский спектакль. Совсем еще юная, круглолицая Люба Менделеева в костюме Офелии и рядом коленопреклоненный молодой Блок — Гамлет.

Пролетит еще пять лет, и в старинной барской церкви села Тараканова — той самой белой, над рекой Лутосней — двадцатитрехлетний поэт обвенчается с Любовью Дмитриевной, которая потом уйдет в актрисы и станет маяться своей бесталанностью.

Еще не появлялась из печати книга «Стихи о Прекрасной Даме», а той же осенью, 24 ноября 1903 года, рука молодожена красивым четким почерком выведет заглавие нового стихотворения: «Фабрика».

В том году, когда были написаны эти строки, состоялся Второй съезд РСДРП, съезд, фактически создавший ленинскую партию рабочего класса. Блок, конечно, еще далек от политики. В его кабинете огромный портрет Менделеева, а на письменном столе педантичный порядок. Будто не поэт здесь обитает, а ученый.

Можно ли себе представить Есенина: одновременно поэт и крупный ученый? Нет, хотя его песенные стихи о России наиболее близки Блоку. А вот Блока вполне можно представить себе ученым, постигнувшим все тайны бытия поэтического творения, скрепляющего прошлое, настоящее и будущее родной страны. Во всяком случае сама правда поэзии помогла ему в одиночку выбрать правильное направление еще до начала революции 1905 года, написать поразительно острое, социально точное стихотворение, художественный смысл которого далеко опережает его реальное содержание.

Пора уже отрешиться еще от одной застарелой привычки — представлять себе молодого Блока, занятого исключительно любовной лирикой. Он поражен был чеховским «Вишневым садом» именно потому, что в пьесе этой отсутствовала возвышенная любовь. Любовь ничего не решает и никого не спасает, для счастья человека мало одной любви. С такими мыслями поэт пишет «Соловьиный сад» — поэму, которая еще до Октябрьской революции воспевала тягу человека к труду, как к совести.

Как-то на одном из выступлений его попросили прочитать стихи о России. И Блок ответил: «Это все о России». Вся его поэзия и впрямь была в конечном счете связана с Отчизной, ее исторической предугаданностью. Рукой ученого запишет он в свою записную книжку: «Одно только делает человека человеком: знание о социальном неравенстве». Но это его знание не было холодной, отвлеченной категорией. Оно согревалось сердечным жаром поэзии, неизбывным стремлением действовать — «устроить так, чтобы все стало новым: чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью».

О, как хорошо понимал он, что «жить стоит только так, чтобы предъявлять безмерные требования к жизни: все или ничего; ждать нежданного...».

Так жили наши далекие предки, проявившие мужество, доблесть, бескорыстную любовь к Родине на поле Куликовом. Блок знал, что победа между Доном и Непрядвой повлекла за собой невиданный расцвет нравственного духа народа, хотя до освобождения Руси от ордынского ига пройдет еще столетие.

В Шахматове, на берегу лесной, черноватой Лутосни в воображении поэта возник образ святой русской земли и степная с обрывистыми берегами Непрядва. Пять стихотворений из цикла «На поле Куликовом», созданных в тяжкий год удушения первой русской революции, когда все вокруг темнело от столыпинских кровавых расправ, говорили о том, что Блок умел чувствовать историю милой его сердцу Руси чутко и трепетно:

Я вижу над Русью далече
Широкий и тихий пожар...

Десять лет спустя пожар Великого Октября решил дальнейшую судьбу его России, его народа. Не зря ведь блоковские «Двенадцать» и «Скифы» будут названы первыми ласточками большой советской поэзии.

Сколько лет прошло с тех пор, как отсвет заката легким пламенем ложился на речную воду, стволы берез и кудри мальчика Сашуры Блока. Теперь в его поэме заполыхают помещичьи усадьбы, заалеет кровь и уйдут в российскую даль державным шагом двенадцать апостолов Революции.

Все, кто встречал Блока в первые месяцы после победы Октября, свидетельствуют: поэт был молод, весел, бодр, глаза его блестели. Он услышал в выстреле «Авроры» подтверждение своему давнишнему творческому принципу: художник должен «честно смотреть, а смотреть художественно-честно, значит, смотреть в будущее».

Стихи Александра Блока полны простора и воли, благородного самопожертвования. Каждая их строка порождает светлые мысли.

Б. ВОЛКОВ.

«Голос, шуму вод подобный...»

БЛОК читает свои стихи... Высокий глуховатый голос звучит монотонно, без интонаций, без точек, запятых, восклицаний. Блок не декламирует, просто — читает, и слова его падают не в память: в душу. А за словами видится он сам...

Тринадцать лет назад миллионы радиослушателей передачи «Литературные вечера» впервые оказались причастными к чуду: после почти полувекового молчания вновь зазвучал голос Александра Блока.

«Обыкновенный» голос. Но «шуму вод подобный», скажем мы о нем пушкинской строкой, потому что за внешней беспристрастностью ощущается большая боль, тревога, нежность — душа поэта. Блок «рассматривал свои стихи как авторскую исповедь, и задачу декламации видел в эмоциональном воздействии на слушателей», — говорил Сергей Игнатьевич Бернштейн, который и записал на фонограф голос Блока в голодном, яростном, прекрасном Петрограде. Это было 21 июня 1920 года.

15 стихотворений тогда прочел Блок, среди них «Девушка пела в церковном хоре...», «Река раскинулась. Течет, грустит лениво...», «О доблестях, о подвигах, о славе...», «В ресторане», «Рожденные в года глухие...». Ученый-лингвист, Сергей Игнатьевич возглавлял в то время кабинет по изучению теории и практики художественной речи в Институте живого слова. На другой день после записи он начал ее исследование, в результате которого появилась работа «Голос Блока». В ней ученый писал: «Александр Блок обладал даром не только поэтического творчества, но и воплощения своих созданий в материю реально звучащей речи... Своеобразие декламации Блока, создающее впечатление определенного стиля, состоит в той свободе и несистематичности, с какой он их применял».

В 1938 году восковые валики с фонограммой голоса А. Блока были привезены из Ленинграда в Москву. Но... голос поэта услышать на них было уже невозможно.

В начале 60-х годов этими записями заинтересовался литературовед Лев Алексеевич Шилов. Вместе с профессором С. И. Бернштейном, который помог «опознать» валики с голосом А. Блока (к тому времени их из шести осталось четыре), Шилов приступает к восстановлению записи. В октябре 1966 года удалось реставрировать один валик. На нем стихотворение «В ресторане». Через несколько месяцев уже можно было слушать еще два — «О доблестях, о подвигах, о славе...» и «Река раскинулась. Течет, грустит лениво...». Эти-то три стихотворения и прозвучали в радиопередаче «Литературные вечера» в 1967 году. А позже восстановленные записи были переписаны на пластинку «У старого фонографа».

Е. МОРОЗОВА.

В первые дни Октября

(Посвящается Блоку)

**Мне двадцать шесть. На улице—
восстанье.
Я не политик, правда, но душой
За власть народа, за его
созданье —
За Совнарком и за размах
большой.
Я не имел угодий и поместий,
Я был поэт и на мансарде
жил,
Я с жадностью читал листок
«Известий»,
Он, как вино, мне голову
кружил.
История! Страницы золотые!
Ужель мы все отражены в тебе,
Хотя бы как простые запятые
В ее шрифтах, в ее святой
борьбе.
Фонарь и снег. Опущенные веки
К странице влажной. Молнии
в уме.
Запомнил имя Ленина навеки,
Как солнца луч, сверкнувший
нам во тьме.
Кипучих дней горячее
волненье...
Квартира Луначарского...
Стрельба...
Я молча принимаю назначенье
Секретарем наркома, и судьба
Меня кидает в Наркомпрос
и Смольный
И во Дворец, где властвует
народ.
А дома — тетка, ропот
недовольный,
Гримасы, смех, дежурства
у ворот.
Когда к подъезду подавали сани
И я садился, завернув башлык,
Шептал сосед: из молодых, да
ранний,
Вчера — поэт, сегодня —
большевик.
Чернов неистовствовал на
собранье
И вторили ему меньшевики.
Чиновники плелись
к посольским зданьям,
Бобровые подняв воротники.
Керенский собирал у Петергофа
Горсть юнкеров, а Александр
Блок
Уже кончал пленительные
строфы
«Двенадцати» — спокоен,
светел, строг.
Кипели споры, разгорались
страсти,
И Гиппиус бледнела от тоски,
Что Блок не проклинал
Советской власти,
Что дороги ему большевики.
Дни Революции Историю
листали,
Но тени тех, что в прошлом
полегли,
За Вами, Александр Блок,
стояли,
Чтоб Вы «Двенадцать»
написать смогли.**

1921 г. **Рюрик ИВНЕВ.**

СТИХИ Александра БЛОКА читает ученик 10-го класса 157-й ленинградской школы Анатолий Севрюгин.

Фото Ю. БЕЛИНСКОГО (ТАСС).

ВСЕГДА СО МНОЙ

**Видно, это особая память,
Что над нею не властны года.
Счастлив я, что меня со стихами
Мой учитель сдружил навсегда.
Крупно ставя оценки в журнале,
Он снимал роговые очки,
И мы с болью тогда замечали,
Как морщины его глубоки.
Но лишь томик любимый откроет —
И строка зазвенит, как струна,
Будто хмурой осенней порою
Без конца и без краю весна.
И уже не сутулятся плечи,
Как у юноши, светится взгляд,
И притихшему классу навстречу
Вдохновенные строфы летят.
Строки те до сих пор повторяю,
Словно в них и судьба, и мечта:
«Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!».
Сколько раз они мне помогали,
Многих бед разрывали кольцо —
Благодатны, как русские дали
И как ветер весенний в лицо.
А теперь я и сам на уроке
Забываю порой про звонки,
Говоря благодарно о Блоке
И читая ребятам стихи,
Чтоб сердца их забились тревожно,
Чтоб от искренней чистой строки
Невозможное стало возможным,
А крутые дороги легки.**

Игорь ДРУЖИНИН.

г. Ленинград.

ПИСЬМА ПОЭТА

ПЕРЕДО мною вырезки из газет и журналов за последние тридцать лет. Это публикации ранее неизвестных писем Александра Блока. В них поэт высказывал свои мысли о книгах, о творчестве других поэтов, давал советы начинающим литераторам.

До нас дошло 1500 писем Александра Блока. Сколько их пропало, пожалуй, и не сосчитать!

Исследователь К. Ровда разыскал в архиве Государственного Русского музея два письма Блока к художнику Александру Бенуа и к издателю журнала «Аполлон». М. Торбин нашел и опубликовал интересное письмо Блока к педагогу и собирателю автографов Евгению Яковлевичу Архипову. В 1956 году литературовед В. Лакшин разыскал в музее МХАТа неизвестное письмо Блока режиссеру Александру Акимовичу Санину. Тот в 1918 году попросил поэта написать сценарий для кино. Блок ответил ему и высказал свое мнение о театре и кинематографе:

«Кинематограф, по моему, ничего общего с театром не имеет, ни в каких отношениях не конкурирует с ним; один другого убить не может; потому и разговоры «о кинематографе и театре», которые были одно время в моде, казались мне нереальными. Я долго любил кинематограф таким, каков он был; потом стал охладевать — уж очень крепко захватила его в свои руки обывательщина и пошлость «великосветских» и т. п. сюжетов».

Есть в науке выражение — «белые пятна». Так образно называют нераскрытое, еще не исследованное. И по сей день «белых пятен» много остается в творческой биографии крупнейших поэтов и писателей. Ликвидируются они объединенными усилиями ученых. Порой на помощь приходит счастливый случай. Одно письмо в несколько строк, и неясное становится ясным, нераскрытое — раскрытым.

Это произошло ранней весной 1915 года в Петербурге. Александр Блок получил записку. Неизвестный ему человек писал, что хотел бы зайти в четыре часа и поговорить о «важном деле». И вот в тот же день к нему явился молодой паренек: кудрявый, застенчивый, наивный. Он читал знаменитому поэту свои стихи. После его ухода Блок отметил на его же записке: «Крестьянин Рязанской губернии. 19 лет. Стихи свежие, чистые, голосистые. Многоголосый язык. Приходил ко мне 9 марта 1915».

Такова была первая встреча никому не известного еще поэта Сергея Есенина с Блоком.

Что же дальше? Встречались они вновь? Может быть, переписывались? Ни один исследователь не смог бы на это ответить полно и категорично. Документов не сохранилось — «белое пятно»!

И вот неожиданная находка. В. Земсков разыскал и опубликовал в 1955 году неизвестное письмо Блока Сергею Есенину:

«22 апреля 1915

Дорогой Сергей Александрович.

Сейчас очень большая во мне усталость, и дела много. Потому думаю, что пока не стоит нам с Вами видеться, ничего существенно-нового друг другу не скажем.

Вам желаю от души остаться живым и здоровым.

Трудно загадывать вперед, и мне даже думать о Вашем трудно, такие мы с Вами разные; только все-таки я думаю, что путь Вам, может быть, предстоит некороткий, и, чтобы с него не сбиться, надо не торопиться, не нервничать. За каждый шаг рано или поздно придется дать ответ, а шагать теперь трудно, в литературе, пожалуй, всего труднее. Я все это не для прописи Вам хочу сказать, а от души: сам знаю, как трудно ходить, чтобы ветер не унес и чтобы болото не затянуло.

Будьте здоровы, жму руку!

Александр Блок».

Друзья и родные Блока не знали случая, чтобы он забыл о присланном ему письме, не ответил на него хотя бы несколькими строчками. Писал он многим, очень многим. Вот почему его письма, открытки, записки можно найти не только в государственных архивах, но и в частных руках.

Какое странное «путешествие» проделывает иное письмо, прежде чем попасть в музей или в папку коллекционера! Словно подспудно толкают его в путь неведомые стихийные силы. Вот лежит оно без движения десятки лет, потом вдруг оказывается за тысячи километров, возвращается обратно или исчезает неизвестно куда; вдруг выплывает снова, меняет Сибирь на Африку, Париж на Минусинск, Одессу на Камчатку. И многие из них — частичка биографии поэта.

Вот история одного письма Блока.

Как-то в журнале «Новая жизнь» Леонид Андреев прочитал стихотворение Блока «Поздней осенью из гавани...». Стихотворение поразило его своим трагизмом. Леонид Николаевич ходил и твердил понравившиеся ему строки. Потом написал Блоку: «Александр Александрович. Прочел Вашего «Матроса» в «Новой жизни» — и как-то душевно потянуло меня к Вам. Нужно ли это писать Вам, или нет, не знаю, может, и не нужно. Но подчиняюсь влечению, шлю Вам сердечный привет и память, крепко жму руку. Леонид Андреев».

Исследователь В. Орлов разыскал и в 1966 году опубликовал ответ Александра Блока:

«Леонид Николаевич, мне было приятно получить Ваше письмо. Почему Вы сомневаетесь, надо или не надо писать? Если было влечение, так надо...».

Затем Блок говорит о последних произведениях Андреева. Он не принимал в них ноты пессимизма и закончил письмо так:

«На всякий случай, хочу Вам сказать: если Вам надумается когда-нибудь зайти ко мне, я всегда буду рад Вас видеть. Конечно, редко удается говорить попросту, или чувствовать настоящее «общее», но ведь если и не выйдет ничего, это не бог знает какая беда.

Жму Вашу руку.

Александр Блок».

Это письмо говорит нам о сложных взаимоотношениях двух выдающихся литераторов и показывает их симпатию и интерес друг к другу.

Не так легко напасть на след писем, которые находятся в частных руках. Нередко литературные следопыты приходят слишком поздно: некоторые письма успевают исчезнуть, следы других приходится разыскивать заново. Но такова уж нелегкая доля исследователя — от одних поисков к другим. Кроме того, обычное новонайденное письмо Блока порой оказывается даже и для литературоведов загадкой. Вот начало письма:

«Михаил Александрович.

Прочтя написанное Вами, я убедился, что Вы не обладаете никакой **ценностью**, которая могла бы углубить, оплодотворить, или, хотя бы указать путь Вашим смутным и **слишком модным** в наше время «исканиям» «отравленных мгновений» или «одинокого храма» для молитв... Все это устарело, лучше сказать, было вечно старо и ненужно...».

Кому так прямо и откровенно пишет Блок? С кем он встречался, чью рукопись читал? Ни сотрудник Государственного Литературного музея Грузии П. Котетишвили, нашедший это письмо, ни исследователи творчества Блока не ответили на это: конверт с адресом и фамилией, увы, не сохранился...

Письма классика — не только факт его личной биографии, их наследует и хранит человечество, одно поколение для другого. И будь это государственный архив или домашний музей, книжная полка библиофила или папка коллекционера, небрежность — сродни преступлению.

А исследователь? Он ищет, находит, снова ищет. Он радуется, печалится, разочаровывается и вновь устремляется на поиски.

Б. ЧЕЛЫШЕВ,
доцент Тираспольского пединститута им. Т. Г. Шевченко.